

М.Ю. Медведев
Государственный академический институт
живописи, скульптуры и архитектуры при РАХ

Аугментации в геральдике: исследовательские проблемы

Гербовые аугментации (элементы, служащие наградами за заслуги и/или знаками внимания со стороны тех, кто их дарует) представляют собой дискуссионный феномен: его границы, определения, конкретные примеры являются предметом споров, приобретающих особенную остроту в прикладном плане и, можно сказать, в апофатическом аспекте, ввиду необходимости избегать эффекта претензии на аугментацию при создании самобытного герба.

Стоит заметить, что феномен аугментации глубоко традиционен для культуры жалованных гербов (начиная со старейшей известной грамоты на герб, дарованной Людовиком IV Баварским графам Карбонези в 1338 году) и, в частности, для практики российского геральдического ведомства. Помимо вариаций на тему государственного орла (иногда весьма творческих, с изменением расцветки, атрибутов, частичным воспроизведением и прочим, иногда же банальных или подвергнутых банализации, подобно потерявшему ветви из клювов орлу князей Кочубеев) и регалий (корона, скипетр и прочее), мы встречаем региональные и местные аугментации (ранние примеры — пермский медведь и сибирские соболи у баронов Строгановых, среди

более поздних — севастопольский грифон у графа Тотлебена), ведомственные (сенатский столп у А.А. Жандра) и, наконец, всяческие символы достижений и добродетелей.

Акцентируя различные особенности явления, можно говорить, в частности, об аугментациях, проявляющих себя ситуативно (элементы, при внесении которых в гербы декларируется их похвальный или почётный характер), являющихся таковыми сущностно (элементы чужой символики, которые нельзя присвоить самостоятельно) или типологически (что выясняется в соотношении с вышеупомянутыми случаями). В теории понятие аугментации затрагивает также и некоторые ранговые атрибуты, служащие для отдельных владельцев знаками различия по категориям, но присвоенные соответствующим категориям как знаки отличия: нагляднейшим примером служат атрибуты в гербах крепостей, введенные в 1857 г. Александром II по проекту Б.В. Кёне.

Обсуждаемый феномен окружён множеством вопросов и споров прикладного и теоретического характера. Становится ли аугментация предметом дарения, или же обладатель герба является её условным держателем? Насколько корректно воспроизведение исходного герба без аугментации и — наоборот — поля с аугментацией в качестве отдельного герба?

Одной из довольно сложных исследовательских проблем, касающихся аугментаций, является их вычленение при рассмотрении тех порождённых геральдическим ведомством жалованных гербов, которые лишены собственно фамильного ядра и целиком состоят из не вполне поддающихся разграничению почётных, комплиментарных и позитивных элементов. Корректно ли в таких случаях говорить об аугментациях вообще, если не было исходной версии, удостоившейся наградного дополнения? На мой взгляд, да, корректно: сущностные аугментации, как и наиболее очевидные типологические, в этом случае проявляются точно так же, как и при их даровании к уже состоявшемуся гербу.

Следует заметить, что на отнесение тех или иных элементов герба к аугментациям влияют как их собственные геральдические, инсигниологические и семантические качества, так и контекст: процедура утверждения, сопровождающие тексты (блазона, утверждающего акта, проектного обоснования и так далее).

Насколько это возможно в формате тезисов, упомяну один наглядный пример: ставший предметом недавней дискуссии штандарт в гербе Охотска, пожалованном в 1790 году с формулировкой «в голубом поле положенные два якоря и над ними штандарт, в знак

того, что в сем городе находится порт». Под штандартом здесь понимается золотой флаг с имперским орлом. Монаршая инсигния, несущая государственный герб, в символике уездного города — очевидная аугментация. Между тем И.Б. Емелин оценил ситуацию иначе: значение штандарта, по его мнению, ясно определено законодателем, фигура указывает на портовую роль Охотска и ни на что более, а потому мы не вправе приписывать ему дополнительные функции почётного элемента, знака монаршего внимания и так далее. Однако значения аугментации это не отменяет. Пояснения в текстах описаний не являются исчерпывающими толкованиями и зачастую не так однозначны, как хотелось бы: упоминание порта здесь раскрывает как символическое содержание фигуры, так и причину выраженного ей монаршего благосклонного внимания к городу. Казалось бы, позицию И.Б. Емелина подкрепляет и точное наблюдение А.А. Аксёнова, указавшего, что герб Охотска следовал прецедентам помещения штандарта в портовых гербах (Балтийский Порт, Лодейное Поле): штандарт, таким образом, сближается с нарицательным обозначением порта. Но это никоим образом не может исключить почётный характер жалованного дополнения: хорошо известны и коллективные (для Лейб-компаний, брига «Меркурий»), и визуально типовые, как будто подражающие друг другу, аугментации (крыло со звездой в XI части ОГ), и, наконец, почётные ранговые знаки, о которых речь шла выше. Как носитель герба империи и сам по себе знак верховной власти, штандарт особым, индивидуальным характером визуализирует связь этой власти с Охотском: это и есть предназначение аугментации.

Особое ответвление обсуждаемого феномена — неутверждённые аугментации. Конечно, в плане гербового права это оксюморон, но фактически такие элементы занимают место в общем ряду (таковы, например, визуализация смоленского прибавления к титулу в самобытном княжеском нашлаемнике Кутузова, российские орлы во главах щитов у светлейших князей Волконских или графов Рибопьеров, фигуры иркутского герба в самобытной версии герба графа Сперанского).

Но едва ли не самый своеобразный эффект развития культуры аугментаций — гербы родственников, иногда внесившиеся в жалованные гербы польско-литовской и шведской титулованной знати вопреки патрилинейному принципу (в первом случае речь шла о переводе личного генеалогического герба в категорию родовых, происхождение шведских обычаев менее наглядно). Это не аугментации, но предельно близкий к ним феномен.